

## К Р И Т И К А   И   Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

«Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина». Под ред. акад. В. В. Виноградова. Издание Московского Государственного университета, М., 1952. 410 стр.

Хотя рецензируемая книга и представляет собой второе издание работы, вышедшей под этим же названием еще в конце 1950 г., однако по существу перед нами новый труд, новое исследование. Большая часть статей, перешедших во второе издание сборника из первого издания, подверглась очень существенной переработке: статьи дополнены, исправлены и расширены. В книгу включены две новые работы акад. В. В. Виноградова: «Значение трудов И. В. Сталина для развития советского языкознания» и «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка», а также статья В. А. Звегинцева, посвященная внутренним законам развития языка. Авторы всех статей учли то, что было сделано советскими лингвистами за время, прошедшее со дня исторического выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания. Вместе с тем авторы стремились учесть и те справедливые критические замечания, которые были сделаны рецензентами первого издания сборника<sup>1</sup>. Если в первом издании сборника материал излагался «в плане первого приближения» (как заметили в своей рецензии А. С. Чикобава), то в настоящем издании материал развернут шире, выдвинуты новые задачи, поставлены новые проблемы. Все это способствовало улучшению книги. Однако авторам не удалось осуществить всех пожеланий рецензентов первого издания: некоторые статьи и в этом издании получились все же недостаточно конкретными; не удалось также достигнуть необходимого единства взглядов по таким важным проблемам, как, например, проблемы взаимоотношения логики и грамматики, грамматики и лексики.

В сборнике освещены почти все центральные проблемы советского языкознания: язык как общественное явление, учение о грамматическом строе языка и основном словарном фонде, проблема внутренних законов развития языка, вопрос об историческом развитии языка, проблема сравнительно-исторического метода в языкознании, учение о языке и диалекте, о путях формирования национальных языков и, наконец, вопрос о происхождении языка и мышления. К сожалению, как и в первом издании, в сборнике не оказалось специальной статьи о языке и мышлении и специального исследования о проблеме языка художественной литературы. Не освещены с достаточной полнотой, хотя и более частные, но очень существенные для лингвиста проблемы взаимоотношения лексики и грамматики, морфологии и синтаксиса. Об этих вопросах лишь попутно говорится в различных статьях сборника. Была бы желательна также и общая статья о фонетике и ее месте в языкознании в связи с теми замечаниями о значении звукового языка, которые содержатся в работах И. В. Сталина.

Тем не менее надо всячески приветствовать появление этого серьезного и содержательного сборника.

После краткого предисловия сборник открывается большой статьей акад. В. В. Виноградова «Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания». Здесь прежде всего подчеркивается, какое огромное значение имела работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для развития всей советской науки, для развития общественных наук, и особенно — для развития советского языкознания. Переходя к характеристике тех проблем, которые получили ясное и глубокое освещение в работах И. В. Сталина, В. В. Виноградов намечает дальнейшие многообразные задачи, возникающие перед советскими лингвистами в связи со сталинскими указаниями: изучение путей развития словаря и научных терминов в связи с различными видами деятельности человека, изучение двух важнейших сторон грамматики как результата многовекового народного мышления и как средства, которое дает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку) ис-

<sup>1</sup> А. С. Чикобава, Новые работы по языкознанию, «Правда» от 9 апреля 1951 г.; В. П. Сухотин, Вопросы языкознания, «Советская книга», № 3, 1951, П. С. Кузнецов, Ценная книга по вопросам языкознания, «Вестник МГУ», Серия обществ. наук, № 4, 1951; С. Д. Никифоров, Первый сборник статей по языкознанию, «Учительская газета» от 19 мая 1951 г.

следование внутренних законов развития языка и принципов его исторического становления — таков далеко не полный перечень актуальных задач, стоящих перед советскими лингвистами. Особо отмечается важность изучения языка писателя, языка художественной литературы.

В статье акад. В. В. Виноградова яркое освещение получает вопрос о соотношении между внутренними законами развития языка и языком, как общественным явлением. «Причины появления новых слов заключаются в изменениях общественной жизни, в развитии производства и других областей человеческой деятельности. Но способы образования этих слов, если они создаются из материальных ресурсов данного языка, определяются уже внутренними законами развития языка»<sup>2</sup> (стр. 37). На разнообразных примерах из истории русского языка автор убедительно показывает справедливость этих общих положений.

Вводная статья акад. В. В. Виноградова намечает широкую программу работы советских лингвистов и ставит ряд новых проблем, вытекающих из сталинского учения о языке. Автор правильно подчеркивает, что для успешного продвижения вперед советского языкознания наши лингвисты должны вести постоянную борьбу как с различными рептидами марризма, так и с различными буржуазными влияниями и буржуазными теориями.

В статье «Учение И. В. Сталина о языке как общественном явлении» А. С. Чикобава подчеркивает, что правильно понять характер взаимодействия между языком и надстройкой, между языком и обществом можно только при условии правильного установления отличий языка от надстройки, как и от других общественных явлений. Определить отличия языка от других общественных явлений нам нужно не для того, чтобы изолировать язык от других общественных явлений, а для того, чтобы уяснить подлинный характер взаимодействия между разными общественными явлениями, чтобы глубже понять сущность и специфику языка. А. С. Чикобава говорит не только о зависимости языка от общества, но и об огромном значении языка для общества (стр. 88).

В статье глубоко и всесторонне критикуется марровская «концепция» классовости языка. Опровергая доводы сторонников «нового учения» о языке, доказывавших классовость языка его социальным характером, А. С. Чикобава пишет: «В концепции товарища Сталина классовость языка исключается именно благодаря социальности языка, благодаря тому, что язык — общественное явление, что язык — средство общения» (стр. 84). Это правильное и существенное положение находит в работе подробное и убедительное развитие. Вместе с тем опровергаются и доводы другой группы защитников «классовости» языка, считающих, что если язык как средство общения и не является классовым, то язык как «непосредственная действительность мысли» не может не быть классовым в классовом обществе. Критикуя это опасное и глубоко ошибочное представление, А. С. Чикобава пишет: «Неправомерно противопоставлять сущность языка его функции; нельзя постичь сущность языка, не выявив его функции; именно в функциях и выражается сущность языка. Вне функции нет сущности языка» (стр. 80). В самой формуле «язык есть непосредственная действительность мысли» дана функциональная характеристика языка, так как сам язык является и средством общения, и средством выражения мысли. И хотя в языке «находит выражение и содержание мысли и процессы мышления, но предметом языкознания не может являться все многообразие содержания выраженной мысли: тогда языкознание превратилось бы в универсальную науку» (стр. 81). «После выхода в свет классических трудов И. В. Сталина о языке стало очевидно, что язык не является классовым, несмотря на то, что он представляет собой непосредственную действительность мысли, несмотря на то, что он непосредственно связан с мышлением, несмотря на то, что реальность мысли проявляется в языке» (стр. 81—82).

В этом интересном и правильном изложении лишь один пункт может вызывать возражение. Подчеркнув ведущее значение коммуникативной функции языка, А. С. Чикобава другую важнейшую функцию языка — функцию выражения мысли — называет экспрессивной (стр. 81, 90, 91, 97 и др.). Этот термин представляется нам неудачным: он может вызвать недоразумения. В самом деле, прилагательное *экспрессивный* в современном русском языке имеет значение «выразительный, обладающий экспрессией»<sup>3</sup>. Если употреблять этот термин по отношению к одной из важнейших функций языка, то «экспрессивная функция» может быть понята только как «выразительная функция», т. е. такая функция, которая передает оттенки мысли, но не самую мысль. Между тем по всему контексту видно, что автор имеет в виду именно «выражение мысли», а не частный случай «выражения оттенков мысли». Хотя термин «экспрессивный» по отношению к функции языка может означать лишь «выражающий

<sup>2</sup> Разрядка и курсив здесь и в дальнейшем принадлежат авторам рецензии. — *Ред.*

<sup>3</sup> Ср. в Толковом словаре под ред. Ушакова: *экспрессивный* — обладающий экспрессией, выразительный (экспрессивный жест, экспрессивная речь); *экспрессия* — то, что придает выразительность чему-нибудь, что делает что-нибудь выразительным (он спел романс с большой экспрессией).

вообще», а означает «образновыражающий» или «выражающий эмоциональные оттенки мысли». «Экспрессивная функция языка» — это скорее дополнительная (вспомогательная) функция в языке художественной литературы, а не одна из общих и важнейших (после коммуникативной) функций языка. Вот почему от термина «экспрессивная функция языка» в смысле функция выражения мысли» пужно, как нам кажется, отказаться. Лучше прибегнуть к описательному определению («функция выражения мысли»), чем допустить нечеткий термин, ведущий к неточности.

Все остальные положения статьи А. С. Чикобава не вызывают возражений. Интересны психологические опыты с ребенком (стр. 68), показывающие, что значит устойчивость и традиции в языке, что значит общественная сила слова. Убедительно показано, почему именно коммуникативную функцию следует считать ведущей и центральной функцией языка (стр. 89 и сл.). В статье А. С. Чикобава ярко выявлена подлинно общественная сущность языка.

Вопросам определения грамматических категорий, выявлению границ синтаксиса и морфологии, отношению лексики и грамматики посвящена обстоятельная статья Н. С. П о с п е л о в а «Учение И. В. Сталина о грамматическом строе языка». Подвергнув правильному критическому анализу антинаучные взгляды Н. Я. Марра и его сторонников на природу грамматики и ее роль в языке, автор рассматривает различные стороны грамматики — учение о форме слов и сочетании слов в предложении — в их взаимосвязи и показывает своеобразие каждой из этих сторон.

Несмотря на довольно детальное изложение основных положений сталинского учения о грамматическом строе языка, некоторые грамматические понятия определены в статье недостаточно четко. Не совсем удачно сформулировано положение о том, что «грамматические категории каждого языка должны устанавливаться в пределах того или иного языка путем абстрагирования от конкретного языкового материала» (стр. 111). Можно подумать, что этот путь к абстрагированию проделывают лингвисты, а не сам язык, где формируются и объективно существуют присущие ему грамматические категории.

Безусловно соглашаясь с утверждением автора, что «в грамматических категориях одного и того же языка вскрываются различия по степени абстрагирования от частного и конкретного» (стр. 112), нельзя согласиться с тем, что степень абстракции в языке связана с богатством или бедностью его морфологических форм (стр. 113).

Желательно было бы уточнить положение автора о том, что наиболее широкое грамматическое выражение получают именно те отвлеченные по своему значению грамматические категории, которые проявляются и в морфологии и в синтаксисе (стр. 113). Возникает законный вопрос: могут ли грамматические категории, принадлежащие только к области синтаксиса или только к области морфологии, быть столь же отвлеченными, как и те, которые относятся к морфологии и синтаксису одновременно?

В разделе о грамматических категориях имеются некоторые противоречия. Так, правильно устанавливая разницу между грамматическими категориями числа, падежа, времени и т. д., с одной стороны, и частями речи — с другой (стр. 113), автор дальше (на стр. 114) безоговорочно именует прилагательное, существительное и глагол грамматическими категориями.

Граматику Н. С. Поспелов правильно определяет как «науку о грамматическом строе языка» (стр. 104) и, следовательно, предмет грамматики как науки очерчен вполне ясно. По логике, как наука, изучает логические категории; и как бы ни были соотносительны категории логики и грамматики, все же нельзя считать, что грамматика как научная дисциплина «приближается к логике» (стр. 108). Эти две дисциплины всегда останутся самостоятельными.

Учитывая задачи статьи в пределах книги, было бы полезно осветить более подробно, чем это сделано в статье Н. С. Поспелова, вопросы соотношения и разграничения морфологии и синтаксиса на конкретных примерах. Вообще отсутствие собственного иллюстративного материала делает статью излишне отвлеченной, в некоторой части трудной для широкого круга читателей.

Статья П. Я. Ч е р н ы х «И. В. Сталин об основном словарном фонде», по сравнению с первым изданием 1950 г., представляет собой заново написанную работу. Автор правильно отмечает, что уже в самом сталинском определении языка заключаются важнейшие указания относительно того, в каком направлении следует вести работу над словарем языка (стр. 126 и сл.). Вместе с тем, учение И. В. Сталина об основном словарном фонде дает возможность глубже проникнуть в основу языка, в сущность его специфики. Подчеркивая, что, несмотря на свою устойчивость, основной словарный фонд всякого языка является категорией исторической, П. Я. Черных справедливо считает, что основной словарный фонд языка постепенно пополняется и совершенствуется<sup>4</sup>. Автор справедливо критикует как тех лингвистов, которые

<sup>4</sup> Эта правильная точка зрения получила в сборнике более подробное и убедительное обоснование в статье В. В. Виноградова «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка».

«склонны видеть в основном словарном фонде лишь небольшую группу «исконных» слов, так и тех, кто, забывая о глубокой устойчивости слов основного фонда, склонен необычайно расширять само понятие основного словарного фонда. Напрасно только П. Я. Черных считает, что эти последние лингвисты «ошибаются в большой мере», чем первые (стр. 130). В равной мере ошибаются как те, так и другие.

В работе П. Я. Черных интересно намечены этапы развития основного словарного фонда и словарного состава языка (стр. 144 и сл.). К сожалению, однако, поставив важный вопрос о том, в каком соотношении слова основного фонда определенной эпохи находятся с «кругом понятия простых людей» этой же эпохи (стр. 141), автор не дает на него ответа. Между тем, вопросом об «основном круге слов-понятий» языка интересовался уже акад. Л. В. Щерба<sup>5</sup>, хотя и он, высказав в этой связи ряд интересных соображений, не смог отчетливо сформулировать своей точки зрения по данному вопросу.

Ярко и интересно вопрос об основном словарном фонде освещен в статье акад. В. В. Виноградова «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка». Автор показывает, что хотя в истории русского языкознания ставился вопрос о более устойчивых и более подвижных элементах лексики и раньше, однако попытка разобраться в этом вопросе всякий раз оканчивалась неудачей, так как не было научного принципа разграничения более устойчивых и более подвижных элементов лексики. Только сталинское учение об основном словарном фонде и словарном составе языка дало возможность разрешить этот вопрос.

Акад. В. В. Виноградов правильно возражает против одностороннего понимания основного словарного фонда «в абстрактно-этимологическом плане», без учета подлинного развития языка, развития его лексики (стр. 160, 172). Вместе с тем, устанавливается глубокая взаимосвязь основного словарного фонда и словарного состава языка (стр. 165, 172). На различных примерах из истории русского словообразования показывается «словообразующая роль» основного словарного фонда в развитии словарного состава языка; в системе словообразования устанавливается взаимодействие лексики и грамматики языка (стр. 180).

Уже в первой вводной своей статье акад. В. В. Виноградов подчеркивает, что в способах образования новых слов в истории того или иного языка обнаруживаются характерные для данного языка внутренние законы его развития (стр. 37). Во второй статье автор приводит яркие примеры, подтверждающие справедливость этого общего положения. Язык не всегда и не сразу находит нужный словообразовательный «ряд». Еще Белинский и Гоголь употребляли *научообразный* в смысле «научный». И когда Гоголь, незадолго до смерти, услышал из уст лечащего его врача прилагательное *научный*, он был поражен тем, насколько удачно и просто это прилагательное выражает соответствующее понятие (стр. 168). Но это «простое» в языке образуется не сразу, а лишь постепенно, в процессе развития и совершенствования самого языка. В ряде случаев, прежде чем в языке устанавливается такое решение вопроса, в системе словообразования, обнаруживаются как бы неожиданные отклонения «в сторону». В «способах образования новых слов» есть своя внутренняя логика, которую исследователь и устанавливает на конкретном языковом материале.

В статьях В. В. Виноградова поставлено много других новых и интересных проблем. Такова, например, проблема омонимов, «отделенных друг от друга границами разных стилей», проблема омонимии в кругу производных слов, проблема «основного» в основном словарном фонде (стр. 47) и многие другие. Жаль только, что некоторые из этих вопросов излагаются несколько фрагментарно, попутно, лишь при освещении других проблем.

В связи с прошедшей в начале февраля 1952 г. дискуссией известному уточнению подлежат некоторые положения, выдвинутые в статье В. А. Звегинцева «Понятие внутренних законов развития языка в свете работ И. В. Сталина по языкознанию». Определяя понятие внутренних законов развития языка в общей системе сталинских положений о языке, автор, опираясь на работы акад. В. В. Виноградова, связывает вопрос о внутренних законах развития языка с вопросами качества языка, его национальной самобытности и устойчивости.

Различные стороны языка обнаруживают различную степень устойчивости в зависимости от структурных особенностей самих этих сторон языка. В. А. Звегинцев убедительно показывает, что грамматика, абстрагируясь от конкретной по своему характеру лексики, оказывается максимально устойчивой и образует вместе с основным словарным фондом основу языка именно потому, что «грамматическая абстракция осуществляется не в пустом пространстве, а в отвлечении от конкретного лексического материала конкретного языка» (стр. 190). Именно поэтому, по словам автора, «к грамматической структуре языка нет прямого доступа посторонним элементам. К ней можно попасть только через связанную закономерными отношениями систему языковых единств все более и более высокого порядка абстракции» (стр. 191).

<sup>5</sup> См. Л. В. Щерба; Опыт общей теории лексикографии, «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1940, № 3, стр. 108—110.

При всей правильности приведенного выше утверждения, нам все же представляется спорным определение грамматической абстракции как абстракции, отличающейся от лексической абстракции только по своей степени («абстракция более высокого порядка», стр. 196). Нужно найти более существенные разграничения абстракции в грамматике по сравнению с абстракцией в лексике. Не следует упускать из виду тот факт, что грамматика прежде всего имеет дело со связями и отношениями в языке, а это уже само по себе накладывает особый отпечаток на характер грамматической абстракции.

Выделение общих законов развития языка как отличных от внутренних законов его развития (стр. 199, 200) не должно проводиться слишком категорично. Ведь общие законы развития языка находят свое конкретное выявление в структуре каждого отдельного языка в соответствии с его своеобразием и сочетаются со специфическими для данного национального языка законами исторического развития. Принятое сейчас определение внутренних законов развития языка как законов взаимосвязи различных сторон языка нужно было бы шире проиллюстрировать в работе, посвященной этому вопросу.

Считая, что фонетические явления включаются в орбиту действия внутренних законов развития языка лишь в той мере, в какой эти явления относятся к развёртыванию и совершенствованию основных элементов существующего языка (положение, относительно которого еще нет полного единодушия среди советских лингвистов), В. А. Звегинцев несколько недооценивает роль фонетики в сравнительно-историческом исследовании родственных языков (стр. 216). Как бы ни понимать отношение фонетики к внутренним законам развития языка (а нам кажется, что действие этих последних обнаруживается во всех сферах языка), несомненно, что для сравнительно-исторических изысканий роль фонетики огромна.

Спорны некоторые утверждения автора относительно роли романских словообразовательных элементов в английском языке (стр. 215).

Статья, в целом написанная ясно и просто, содержит некоторые ненужные в этом сборнике термины: *инновация* (стр. 210), *кумулятивное отрицание* (стр. 194) и некоторые другие.

Статья, Л. А. Булаховского «Вопросы исторического развития языка в свете работ И. В. Сталина по языкознанию» посвящена исследованию двух больших вопросов: историческому развитию языка в процессе скрещивания языков и характеристике сравнительно-исторического метода. Развивая сталинское положение о результатах скрещивания языков, Л. А. Булаховский справедливо указывает, что «после происшедшего скрещивания любой силы никогда не возникает сомнения при оценке установившегося состояния, к какой именно языковой семье относится данный язык» (стр. 223). Изменения в болгарском языке, происшедшие в грамматической системе в целом, хотя и были подготовлены развитием ряда конструкций самого болгарского языка (например, смещением падежей в положении после предлогов), определились, однако, в результате притока новых этнических элементов, вливавшихся в состав носителей болгарского языка (стр. 222). Доказательство достоверности этого утверждения Л. А. Булаховский видит в так называемых «балканизмах», свойственных не только болгарскому, но и другим «балканским» языкам, и относимых обычно за счет общего для всех этих языков субстрата. Остается, однако, неясным, в какой мере эти «балканизмы» (постпозитивный артикль, редкое употребление инфинитива и др.) являются существенными чертами строя каждого из балканских языков и занимают ли они в равной мере важное место в грамматической системе этих языков.

Л. А. Булаховский преувеличивает, как нам кажется, «проницаемость» языков аналитического типа (стр. 220), имеющих свои особые, но достаточно ясно выраженные для каждого языка закономерности. Убедительно показывая, что связанное иногда с процессом скрещивания языков разложение флексии и замена ее системой аналитических средств никоим образом не отменяет положения о стойкости грамматической системы языка-победителя (стр. 220), Л. А. Булаховский все же относит устойчивость строя прежде всего к языкам «формального типа». Судя по контексту, под языками «формального типа» автор подразумевает языки флективные, хотя сам термин «формальный тип» нельзя признать удачным: все языки имеют свои специфические формы. Нам кажется, что на интенсивность процесса скрещивания языков влияют не столько строй самих этих языков, сколько те конкретные исторические условия, в которых это скрещивание совершается.

Подробно, с большой ясностью и убедительностью Л. А. Булаховский говорит о необходимости широкого применения сравнительно-исторического метода и, вместе с тем, показывает границы его применения и ряд присущих этому методу недостатков. Благодаря обилию умело подобранных примеров многие сложные положения сравнительно-исторического анализа языков при чтении статьи воспринимаются легко и убедительно выдвигаемых автором положений приобретает большую силу. Это очень существенно для статьи, предназначенной не только для специалистов-языковедов, но и для учащихся языковедческих вузов. После ознакомления со статьями Л. А. Булаховского им станет совершенно ясной важность сравнительно-исторического метода

для изучения всех периодов истории языка, в особенности — древнейших этапов его развития.

Л. А. Булаховский убедительно показывает важность определения хронологической последовательности фактов, восстанавливаемых сравнительно-историческим анализом (стр. 237), необходимость различения «более и менее раннего». Справедливо замечание автора, что «сравнительно-исторический метод в своем практическом применении меньше нуждается в понятии «праязыка», нежели обыкновенно думают» (стр. 237). Вместе с тем «неизбежно установление того, что нужно или можно принять за древнейшее, т. е. наиболее древнее, как оно доступно нашим исследовательским средствам» (там же).

К сожалению, Л. А. Булаховский не говорит о том, в каких областях языкознания более важно и в каких менее важно установление этого «наиболее древнего». Если во всех случаях строгость в хронологическом распределении устанавливаемых фактов является неотъемлемой принадлежностью самого сравнительно-исторического метода, то в области этимологических изысканий, как нам представляется, исследователь должен стремиться дойти до «самого древнего», потому что это поможет ему понять не одно какое-либо слово, а целые «пласты слов».

Справедливо критикуя Н. Я. Марра и его последователей за фантастическое объединение ложно понятых этимологий с историко-этнологическими данными (стр. 238—239), Л. А. Булаховский мало говорит о тех реальных и подлинных связях, которые существуют между историей слов и историей общества, историей народа. Опираясь только данными топонимики (стр. 241), можно создать у читателя представление, что связи фактов далекой истории языка с историей народа ограничиваются лишь областью собственных имен (даже уже — географических названий). Между тем, история слов, восстановленная подлинно научным методом, может представлять исключительный интерес и для истории народа.

Статья Б. А. Серебренникова «Сравнительно-исторический метод и критика так называемого четырехэлементного анализа Н. Я. Марра» освещает важную проблему языкознания. Работа основана на большом, хотя и несколько пестром материале и содержит целый ряд правильных и интересных наблюдений. В статье хорошо показано значение сравнительно-исторического метода и вскрыты вместе с тем его существенные недостатки. Очень полезны многочисленные примеры, правда, не всегда достаточно полно комментированные. Правильно и широко дана острая критика марровского «четырёхэлементного анализа».

Вызывает возражение неудачная формулировка автора, данная почти в самом начале работы: «В действительности, — пишет Б. А. Серебренников, — между марксистским диалектическим методом, с одной стороны, и сравнительно-историческим методом и четырехэлементным анализом, с другой стороны, имеется существенное различие» (стр. 246). Непонятно, почему в этом случае автор объединяет сравнительно-исторический метод и «четырёхэлементный анализ». Ведь дальше Б. А. Серебренников сам показывает всю нелепость «четырёхэлементного анализа», его явную антинаучность, тогда как сравнительно-исторический метод советское языкознание стремится развивать дальше, освобождая его от присущих ему недостатков. Поэтому нельзя ставить сравнительно-исторический метод и «четырёхэлементный анализ» по одну сторону баррикады, а марксистский диалектический метод — по другую. Бесспорно, сравнительно-исторический метод никак нельзя отождествлять с марксистским диалектическим методом, но это не служит основанием для объединения — хотя бы и временного — сравнительно-исторического метода и «четырёхэлементного анализа» Н. Я. Марра. Сам Б. А. Серебренников в конце своей статьи показывает, что сравнительно-исторический метод «вполне удовлетворяет» ряду требований марксистского диалектического метода (стр. 287).

Как мы уже отмечали, характеристика сравнительно-исторического метода дана Б. А. Серебренниковым достаточно полно. Неясно только, почему автор пишет лишь о возможности происхождения родственных языков из одного источника (стр. 262), хотя в происхождении материально родственных слов и грамматических форм из одного источника он несколько не сомневается.

Не совсем ясно, почему, подчеркивая значение грамматического строя для определения родства языков, автор ничего не говорит о значении основного словарного фонда. Между тем, очевидно, что оба эти важнейших компонента языка одинаково важны для установления материального родства языков. В целом статья Б. А. Серебренникова хорошо документирована и читается с интересом.

Р. И. Аванесов в статье «Учение о языке и диалекте в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию» подробно и обстоятельно исследует отношение языка и диалекта на различных этапах исторического развития общества. Указывая на то, что известные сейчас национальные языки и диалекты являются историческими категориями и что каждый национальный язык представляет собой сложное историческое образование, разные элементы которого восходят к различным, нередко весьма отдаленным эпохам, Р. И. Аванесов прослеживает взаимодействие общенародного языка и диалектов от эпохи первобытно-общинного строя до эпохи социализма.

В статье совершенно правильно показана тесная связь между процессами исторического развития языка и диалекта и теми конкретными общественно-историческими условиями, при которых эти процессы происходят. Так, Р. И. Аванесов доказывает, что одни эпохи характеризуются по преимуществу процессами дробления языка, при которых образуются близкие друг другу языки и возникают определенные диалектные различия, в то время как другие общественно-исторические условия предопределяют объединение диалектов, их поглощение языком народности или нации, что с течением времени приводит к нивелированию диалектных различий и к постепенному отрицанию диалектов.

По мнению Р. И. Аванесова, для развития диалектов в эпоху феодализма характерны два процесса. С одной стороны, в условиях феодальной раздробленности происходит обособление диалектов и между диалектами разных феодальных земель развиваются все новые и новые языковые различия. С другой стороны, внутри каждой из феодальных земель, которые образовались на территории племен или племенных союзов, но могли не совпадать непосредственно с территорией одного племени и поэтому могли объединять население, имеющее в своем языке некоторые различия, происходит выработка единого для всей данной территории языка. Сложность этого процесса усугубляется тем обстоятельством, что «экономическая и политическая самостоятельность отдельных областей в эпоху феодализма относительна, вместе с тем относительна и самостоятельность их диалектов» (стр. 304). В рамках же феодального государства в целом формируется народность с единым языком, различающимся по диалектам.

По мнению Р. И. Аванесова, единство языка народности, основанное на генетической общности объединяемых языков и диалектов, вместе с тем является единством развивающимся и прогрессирующим, показателем чего служит тот факт, что вновь возникающие языковые особенности охватывают язык всей народности в целом, а не один какой-нибудь ее диалект (стр. 305).

Нам представляется, что все эти очень интересные положения необходимо было проиллюстрировать в статье хотя бы некоторыми примерами, что облегчило бы понимание описываемых сложных исторических процессов. Также абстрактно и поэтому несколько туманно утверждение, что язык нации, включающий в себя как литературно обработанную форму национального языка, так и многообразие устно-народной речи, будучи общенародным, «является достоянием всех членов данной нации, которые практически пользуются одной из ее (речи?) исторически обусловленных разновидностей» (стр. 308). Без примеров из истории какого-либо языка понятие «литературно-обработанной формы» в ее отношении к «устно-народной речи» (диалектальной или нет?) весьма трудно для усвоения.

Следует вообще заметить, что хорошо и полно показывая исторические взаимоотношения языка и его диалектов на различных этапах развития общества в связи с особенностями общественного развития, Р. И. Аванесов ничего не говорит о собственно языковых, т. е. структурных изменениях, совершающихся в языке и диалектах. Конечно, эта сторона дела не является непосредственной темой данной статьи, но при ее полном устранении возникает опасность односторонней трактовки вопроса.

Глава о сравнительно-историческом методе (стр. 313—317) в ряде положений невольно дублирует статьи Л. А. Булаховского и Б. А. Серебренникова, помещенные в этом же сборнике. Как нам кажется, следовало бы подробнее показать, как данные диалектологии и факты живых диалектов при их сравнительно-исторической интерпретации могут помочь в разрешении спорных вопросов истории языка (ср. блестящее использование диалектных данных в работе Ф. Энгельса «Франкский диалект», что помогло автору восстановить незасвидетельствованную историю языка франков).

Содержательная и обширная статья Г. Д. Саянжеева посвящена образованию и развитию национальных языков в свете учения И. В. Сталина. Автор привлек все основные работы классиков марксизма-ленинизма по национальному вопросу и вопросу формирования национальных языков. В статье показаны исторические предпосылки формирования национальных языков в различных условиях и установлены взаимоотношения между живым разговорным языком и его письменной-литературной формой. Правильно показано, что в учении марксизма-ленинизма национальный вопрос (а следовательно, и вопрос о национальном языке) есть лишь часть общего вопроса о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата.

Возражение вызывает лишь трактовка «структурных изменений» в национальных языках. Исходя из совершенно правильной мысли, что развитие языка не совпадает и не может совпадать с развитием экономического базиса, Г. Д. Саянжеев делает из этого положения такой вывод: «В период становления нации в языке изменяется очень многое, но только не структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд. Seriously пополняется в этот период словарный состав языка, выпадает большое количество устаревших слов, изменяется значение значительного количества слов, улучшается, но в корне не изменяется грамматический строй, который совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами... Что же касается структуры языка с его грамматическим строем и основным словарным

фондом, то она сохраняется во всем существенном, как основа национального языка» (стр. 333—334; ср. также стр. 332).

В этом положении не все представляется нам ясным. Как бы опасаясь рецидива вульгарного социологизирования, действительно нанесшего огромный вред советскому языкознанию, Г. Д. Санжеев стремится отделить изменения в структуре языка от изменений в историческом процессе становления национального языка; но в этом своем стремлении автор забывает о постоянном и широком взаимодействии языка с другими общественными явлениями<sup>6</sup>. Неясным остается и другое: почему автор считает, что совершенствование грамматического строя в процессе формирования национальных языков никак не отражается на структуре языка. Ведь структура языка — это тот же грамматический строй и основной словарный фонд. Получается так, будто совершенствование грамматического строя не затрагивает существа самого грамматического строя. Разумеется, это далеко не всегда бывает так. К тому же рост словарного состава языка в период формирования национального языка не может пройти бесследно и для основного словарного фонда, не может не пополнить и обогатить этот последний. Словарный же фонд — это часть структуры языка. Именно об этом пишет в рецензируемом сборнике акад. В. В. Виноградов (стр. 165 и сл.). Г. Д. Санжеев, как нам кажется, искусственно обособляет структуру языка от других сторон языка, представляя эту структуру слишком статической, между тем, структура языка развивается, совершенствуется, она находится в зависимости от других сторон и аспектов языка. Повидимому, сам чувствуя некоторую неясность своих формулировок, Г. Д. Санжеев говорит то о том, что «национальный язык по структурным особенностям ничем не отличается от языка народности» (стр. 332), то о том, что национальный язык лишь только «во всем существенном» сохраняет свою структуру (стр. 334). Это последнее утверждение и представляется нам правильным. Речь идет не о том, будто бы при становлении национального языка в корне изменяется структура языка народности (как утверждали марристы), а лишь о том, что национальный язык развивается дальше и совершенствуется все стороны языка, в том числе в известной мере и структурные особенности языка.

Вопрос о происхождении языка и мышления является важной стороной сталинского учения о языке. Поэтому вполне правильно, что в сборник включена специальная обстоятельная статья на эту тему. Авторам статьи — Н. А. Кондрашову и А. Г. Спиркину — удалось показать значение самой проблемы происхождения языка и мышления для общей теории марксистского языкознания. В работе дан краткий очерк истории вопроса. Авторы правильно замечают, что в попытках решения этого вопроса всегда проявлялись две основные концепции: материалистическая и идеалистическая. Однако в дальнейшем своем изложении авторы противопоставляют не столько материалистическую концепцию происхождения языка всевозможным идеалистическим построениям, сколько «общественные теории» происхождения языка — теориям индивидуалистическим. Конечно, такое противопоставление возможно, но следует помнить, что оно является как бы производным от основного и центрального противопоставления — материалистической и идеалистической теорий происхождения языка. Если индивидуалистические концепции были всегда идеалистическими, то не все «общественные теории», как подчеркивают и сами авторы (стр. 380), были теориями материалистическими.

Не совсем точно утверждение авторов, что в средние века «проблема происхождения языка не подлежала обсуждению» (стр. 379): в спорах номиналистов и реалистов вопрос о «природе языка» занимал отнюдь не последнее место.

Говоря о том, что некоторые современные буржуазные лингвисты исключили проблему происхождения языка из компетенции лингвистики (стр. 374), нужно было бы подчеркнуть, что в новейшем буржуазном, особенно англо-американском языкознании, усиленно «разрабатываются» бредовые теории «божественного» происхождения языка. Но даже те лингвисты, которые в теории выносили проблему происхождения языка за пределы лингвистики, практически освещали ее в своих курсах общего языкознания («Язык» Вандриеса открывается главой о происхождении языка). Вот почему борьба с идеалистическими теориями происхождения языка все еще продолжает быть очень актуальной.

В целом нужно всячески приветствовать опубликование этого сборника. Все статьи его по сравнению с первым изданием безусловно улучшены и углублены. Устранены некоторые противоречия, которые наблюдались в работах отдельных авторов в первом издании. Сборник стал теперь более целостным, более единым. Он бесспорно выполнит свое назначение в очень важном и ответственном деле популяризации и дальнейшего развития замечательного сталинского учения о языке.

Р. А. Будагов, В. Н. Ярцева  
(Ленинград)

<sup>6</sup> См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26—27.